

УДК 101

© 2013 г. Ю.Н. Ворожко

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

[Yu.N. Vorozhko. Features of personal self-realization in post-modernism]

Self-realization in postmodern culture – the process of implementing one's own "I" in terms of total pluralism meanings of life realization styles, rules and principles of pluralism, interpretations and ways of life assessment. Identifying features of self-identity in postmodern culture means setting its essential principles in the context of culture philosophic analysis. It is considered the features of self-identity in postmodern culture: in terms of value-semantic pluralism, virtuality, art, also it is identified gender and age characteristics of self-realization in postmodernity.

Key words: self-realization, post-modernism, personality, post-modern culture, features of personal self-realization.

Самореализация личности зависит от двух групп факторов: с одной стороны, она определяется социокультурными детерминантами, раскрывающимися в наличии условий для становления личности и в наличии ее последующей востребованности, а с другой стороны, – диспозиционными, т.е. внутренними качествами индивидуальности, природной предзаданностью, имеющей генетическую основу. Самореализацию можно считать вечно актуальной проблемой человека, при этом в различных социально-исторических условиях она приобретает различный статус.

Рассматривая проблему спецификации самореализации личности в социокультурной реальности постмодерна, необходимо сопоставить теоретико-методологические основания феномена самореализации и их воплощение в условиях конкретно-исторической реальности современной западно-европейской культуры [1].

Самореализация в культуре постмодерна – это процесс реализации собственного Я в условиях тотального плюрализма смыслов, стилей жизнеосуществления, плюрализма правил и принципов, интерпретаций и способов

оценки бытия. Возникнув в 70-е гг. XX века постмодерн в Западной Европе проник во сферы социокультурной реальности. Провозвестницей постмодерна выступила ранняя поп-культура. Постмодерн выступает с критикой модерна, он вырастает из его амбивалентной динамики, из разрушения и самоутверждения массовой культуры и популярных искусств, а также из кризиса высокой культуры с ее элитарными идеалами, реализация которых оказалась иллюзорной в смертоносном мраке мировых войн. Модернистский культурный канон лишился приоритета перед плюралистичной эмансипировавшейся массовой культурой. Литературный андеграунд, философия и поп-арт семидесятых годов XX века были настроены против элитарных концептов модерна, требуя плюрализации истины, разума, истории, эстетики и морали. Это время не только утверждения социокультурной реальности постмодерна, но и ее теоретического осмысления. Ключевую роль при этом сыграла работа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979). Отныне свет постмодерна пал на практически все сферы жизни: не только на философию, литературу и искусство, но на повседневность.

В 80-е гг. западный мир приходит к пониманию того, что хищническая эксплуатация природы становится фактором надвигающейся экологической катастрофы. В то же время активно развивается микроэлектроника, появляются первые персональные компьютеры – начинается цифровая эпоха, появляется новая сфера человеческой самореализации. Доминантой становится дух гедонизма, требование современности, раскрепощения и непосредственности чувственного переживания.

В 90-е гг. гедонистические идеалы еще больше укореняются на поверхности западноевропейского социокультурного пространства [2, с. 27]. Напряжение между отсутствием видения перспектив будущего и индифферентностью по отношению к прошлому разрешилось в гедонистическом праздновании настоящего. Наступает ретроспективный век бесконечных ремейков, иллюзий, симулякров, перманентных повторов, цитирований и копий старого и прошлого, почерпнутого из 60-х гг. – десятилетия, предшествовавшего наступлению постмодерна. Копии копий оказались вне временного измерения, исчезло ощущение кумулятивного, накопительного ощущения прогресса. Довольно точно характеризуя данную социокультурную установку постмодерна, А.М. Руденко отмечает: «Все возможно, все комбинируемо, пока в моде

находится довольный потребитель. Постмодернистски-потребительская установка «Покупаю, следовательно, существую» сменяет модернистское «Мыслю, следовательно, существую» [3, с. 109]. Стирание границ и плюралистический дух постмодерна делает самореализацию в условиях постмодерна явлением не элитарным, а массовым. При этом утрачивается ценность авторства, превалирует ситуация «смерти субъекта».

Современный постмодерн характеризуется низвержением всех видов спекуляций в пределах имеющегося знания, презрением ко всякой тотализации и синтезу, стремлением к упразднению канонов, социальных норм, подрывной деятельностью, выражающейся в ужасах терроризма, возникновении движений меньшинств, феминизацией культуры. В условиях современного постмодерна утрачиваются глубины «Я», которое растворяется на поверхности стилистических инвариантов. Творчество становится пародией, подлинник подменяется подделкой. При этом личность находится в атмосфере неопределенности, которая как практика предполагает перспективизм и перформанс как участие в дикой неразберихе жизни. Природа трансформируется в культуру, которая становится имманентной семиотической системой. Сам же человек воспринимается как языковое существо, вся жизнь которого проявляется как интертекстуальность.

Самореализация в условиях ценностно-смыслового плюрализма. Отличительной чертой самореализации в культуре постмодерна является признание того, что эта самореализация происходит в условиях утраты ссылок на высшие инстанции ценностной вертикали модерна: «Что же находится вне его поля зрения, что объявлено им несуществующим? Все то, что веками носило такие имена как Вечное, Единое, Целое, Прекрасное, Абсолютное, Бесконечное, Подлинное, Вездесущее, Бессмертное, что называлось Бог, Бытие, Сущность, Ничто, Пустота, Дао, Все, Основа, Смысл, Начало, Истина, Универсум, Мировой Дух, Первопричина, Центр, словом то, что сегодня назвали бы Главным Означаемым» [4, с. 77]. Кажется, что рационалистическая программа модерна потерпела полный крах, рационалистические стратегии жизни оказываются иллюзорными, поскольку уже нет суммирующего единства разума, смысла, личности и истории. Но так ли это?

В.С. Библер утверждает, что нет, доказывая, что мышление современного человека может быть отрефлексировано в категориях особой философии

ской логики культуры. С его точки зрения, разум человека не может быть «одноместным», несводимым к познающему пафосу мышления, отождествляющему смысл понимания со смыслом познания. Между пониманием и познанием нельзя ставить знак равенства. Он пишет, что «когда накануне XX века становится все более ясным, что бытие вещей, мое собственное бытие, бытие людей и мира не поддается познающему пониманию, что бытие, иными словами, несводимо к сущности, сразу же представляется, что рушится разум как таковой, что разумение, понимание необходимо заменить мистическим проникновением в тайну бытия (или абсолютным верованием), стоящим по ту сторону всякого сомнения» [5, с. 4]. Поэтому он считает, что отмечаемое исследователями отречение от разума поспешно и поверхностно, что разум в современных условиях насущен и необходим, как никогда прежде. Преждевременно говорить о крахе разума. Более точно, по В.С. Библеру, заявить о его преобразении, сдвиге. То что мы можем наблюдать, скорее есть «трансформация логики мышления («трандукция») в форму разума культуры, логики культуры, или, иначе, как актуализация бесконечно-возможного бытия в план произведения» [там же, с. 18].

В то же время сами социокультурные реалии демонстрируют и познающему разуму трудно не согласиться с тем, что прогресс как высшая ценность и смысл жизни модернистского человека обернулся регрессом, созидание – разрушением, имеющим длительно проявляющиеся деструктивные последствия. Как верно отмечает М. Кастельс, «растущая интеграция между мыслями и машинами, включая механизм ДНК, ликвидирует то, что Брюс Мазлиш назвал «четвертым разрывом» (разрывом между человеческими существами и машинами), фундаментально меняя то, как мы рождаемся, живем, учимся, работаем, производим, потребляем, грезим, сражаемся или умираем» [6, с. 7]. Под угрозой оказывается сама жизнь в виталистическом смысле, т.к. не до конца продуманные техногенные инновации формируют настоящую угрозу всей социокультурной и природной реальности в целом. Самореализация же имеет смысл как способ внушение вклада в общее природное и социокультурное целое, но если под угрозой само это целое, то какое значение может иметь и сама самореализация?

Ставя этот вопрос, постмодерн порождает новую смысловую поверхность самореализации, в которой утрачиваются глубинные смысловые измерения

модерна, утрачивается восприятие историчности, кумулятивности социокультурного прогресса. В этой связи В.С. Ларионов верно пишет: «Все, что вызывает Отвращение, Ужас, Боль, Стрдание, Отчаяние, Крик – все, что хаотично, алогично, брутально, раздражительно, провокативно, опасно, маргинально, предельно, абсурдно, погранично, уродливо, конвульсивно, чудовищно, безобразно. Все, что низменно, грязно, мерзко, кошмарно, нервозно, шизофренично, иррационально, то сегодня, как это не прискорбно, только и плодотворно» [4, с. 81]. В самореализации постмодерна все подходит, все приемлемо. В отличие от модерна сумасшествие не прячется, желание не подавляется, сила притяжения ужаса не отрицается, иррациональное, незначительное становится такой же ценностью, как и рациональное и значительное [7]. Целенаправленное поведение вытесняется импульсивным, смысл – бессмыслицей, прекрасное – безобразным. Провозглашается их амбивалентное, синкретическое единство. Утрированный смысл взаимно обратим со вздором, чрезмерно совершенное – с безобразным.

Человек постмодерна живет и самореализуется в условиях отсутствия исходных метафизических парадигм. В этом смысле О.Э. Душин верно пишет, что в данных условиях «человек не обладает изначально заданной сущностью, у него нет абсолютной точки зрения, с вершины которой можно было бы рассудить и исчерпать все видимые горизонты мироздания, но, тем самым, он свободен в собственной реализации в перспективе само-созидания (“*self-made-man*”))» [8, с. 238 – 239]. В противовес бездонности Вселенной, лишенной для него сакрального символического смысла, человек занят обустройством собственного социокультурного пространства, пытаясь оптимизировать удобство его коммуникативного начала, преодолевая культурные запреты и барьеры.

Важнейшим условием и предпосылкой самореализации в постоянно трансформирующемся обществе постмодерна становится человеческая мобильность, гибкость, динамичность. «Бег, скорость, темп движения современного человека приобрели в культуре постмодерна особое символическое значение. Человек мегаполиса постоянно бежит, он вынужден перманентно торопиться, чтобы не опоздать на деловую встречу, ответственное совещание, любовное свидание. Он врывается в закрывающиеся двери поезда городского метро, догоняет отправляющийся автобус, прыгает в самолет с отъ-

езжающего трапа, он все время ускоряет свое движение» [там же, с. 246]. Образ бегущего человека становится символическим для данной культурной эпохи. По сути механизм самореализации и есть механизм перехода его потенциальной энергии в энергию движения. Все ипостаси жизни и самореализации человека эпохи постмодерна проявлены в ее изменчивости, текучести, динамичности и подвижности. Парадокс в том, что само это движение не имеет принципиальной направленности, оно носит стохастический характер, что не создает подходящих условий для обдумывания действий, а приводит к непосредственному экстравертированному восприятию реальности без глубокого постижения и переживания. Таким образом, перманентная темпоральность вкупе с ускоряющимся темпом жизни современной самореализующейся личности элиминируют ранее типичные формы релаксации, коммуникации и обучения, что приводит к появлению качественно новых социокультурных практик в ситуации постмодерна.

Самореализация в условиях виртуальности. Еще одной отличительной особенностью самореализации в эпоху постмодерна становится осознание разложения надежности социокультурной реальности и признание глобальной нестабильности, стирание границ реального и виртуального миров. Виртуальный мир, медиальные симуляции становятся реальнее реальной действительности, ненадежной, хрупкой и эфемерной. Это существование в условиях конца тотальных доктрин, упорядочивающих социокультурную реальность, а также конца смысла и субъектности.

Постмодерн формирует качественно новые идентификационные признаки: «В XX столетии – и чем дальше, тем в большей степени – можно отметить отход от «больших идентичностей» личности, т.е. отождествления ее с определенным государством, нацией, этносом, конфессиональной принадлежностью. Люди во все большей степени идентифицируются именно по брендам (что они едят, носят, что читают, смотрят, слушают, в чем ездят, где отдыхают» [9, с. 51]. Возникают качественно новые способы самореализации, которая уже не носит элитарных характер: «Если ты хочешь, чтобы о тебе знали, надо о себе сообщать, выводить себя в информационное, социальное, экономическое, политическое, культурное пространство» [там же, с. 54].

Век Интернета открывает невиданные перспективы самопродвижения личности, а также культурного обмена их результатом их творчества, в еди-

ном ассортименте которого сосуществует безвкусица и шедевр: «С появлением виртуальной реальности закомплексованные, робкие, застенчивые, нерешительные, не выдержавшие испытания в современной гонке за материальными ценностями или престижными призами, – все эти и многие другие люди обрели как бы второе дыхание, позволившее им в какой-то степени самореализоваться» [10, с. 93-102].

Интернет, таким образом, расширяет границы социокультурной жизни человека, не только давая «возможность самореализации тем, кто чувствует ее недостаток в повседневной жизни» [там же], но и позволяя в значении не физических, а психологических характеристик времени «жить не дважды и не трижды, а бесконечное множество раз» [там же]. С этой позицией солидарна и Н.В. Водянова, которая в этой связи отмечает: «Интернет представляет собой универсальное информационно-коммуникативное пространство, в котором современный человек получает дополнительные возможности самореализации в виртуальной реальности, что способствует его самореализации и в регулярной реальности» [11, с. 8]. Тем не менее, нахождение в виртуальном пространстве может носить и деструктивный характер, когда становится навязчивой идеей, единственным возможным пристанищем личности.

Каков же человек, живущий в условиях такой реальности? «Одиноким эгоцентриком, заброшенный и заблудший в дискретном, хаотичном, холодном, в бесцельности своей, мире, зажатом в рамки картезианской прямолинейности, упорядоченности, единичности, – таков современный человек постиндустриального общества» [там же, с. 77]. Одиночество человек постмодерна пытается преодолеть, погружаясь в мир симулируемой реальности, что приводит в конечном счете к тому, что он сам становится симуляцией, призраком общества консумизма. Его опыт и знания заменяются изображениями, ценность и оригинальность которых все труднее выявить, поскольку в консумистском обществе господствуют копии копий, репрезентации других репрезентаций, в которых трудно или почти невозможно выявить реальность или оригинал. Это приводит к утрате действительности, которая могла бы служить критерием смысла, аутентичности или истинности. В гиперреальности копии подлиннее и правдоподобнее реальности, в ней нет временного измерения, а есть лишь постоянная синхронная современность. Ризоматические линии виртуальной поверхности порожда-

ют иное мышление, фрактальность логики смысла, нарушающую смысловое единство бытия в угоду плюралистического многообразия. Субъект теряет идентичность, становясь придатком техносферы, формирующим бесконечные желания как основу потребления, в котором предпринимается безуспешная попытка объединения осколков личности [12].

Самореализация в искусстве постмодерна. В условиях постмодерна меняется сущность и роль искусства как условия и пространства самореализации личности. Искусство теряет элитарные позиции, становится приближенным к эстетике повседневности. Эстетическая серьезность модернистского искусства вытесняется легкостью, иронической шутливостью поставангарда, интенсифицирующего бессмыслицу, игровое и желающее начала, телесное измерение эстетики. Постмодернистская критика модернистского искусства направлена на переосмысление его критериев: в прекрасном находится безвкусица, которая вновь преподносится как важный компонент прекрасного, а безобразное трансформируется в привлекательное.

В постмодерне не только утрачиваются элитарные позиции искусства, но и разрушаются границы между искусствами. Запросы на оригинальность, аутентичность, автономию шедевра, его социальные функции становятся утопичными. Все имеющееся в искусстве становится бесконечно цитируемым. Став доступным для широкой публики, искусство стало частью художественного рынка, на котором произведения превратились в товар, который уже не учит, не воспитывает, не отражает реальность, а отражает запросы потребителя, подчеркивая низкое, шокирующее, скандальное, сенсационное. Высокий литературный язык уступает место сленгу, романы вытесняются комиксами, оперы – музыкальными клипами. Форма служит уже не функции, а фикции, которая становится эстетическим принципом не только в искусстве, но и в архитектуре. Данный принцип соседствует с принципами диссонансной красоты, дисгармоничной гармоничности, радикальностью эклектичностью, смешением различных стилевых элементов с целью угоды многообразию культурных предпочтений. В искусство постмодерна также проникают результаты техномира, при этом виртуальный мир становится ключевым фактором стирания граней в искусстве, а также между искусством и повседневностью.

Гендерные особенности самореализации в постмодерне. Постмодерн во многом был подготовлен идеологией женской эмансипации, ключевой идеей

которой выступает идея принципиального равенства женщины с мужчиной: «Представители данной точки зрения исходили из социокультурной детерминации специфики женственности и мужественности: гендерные различия определяются внешними факторами и, следовательно, могут быть устранены» [13, с. 35-36]. Данная позиция привела на практике к стиранию двойной морали, сексуальной революции, появлению женщин в сферах, традиционно считавшихся мужскими (политике и бизнесе), но также явилась и истоком кризиса института семьи, снижения рождаемости, увеличения числа разводов.

Самореализация личности в постмодерне сопряжена с разрушением доминирующей половой идентичности, приводящей к гегемонии двуполости. Постмодерн провозглашает императив об отсутствии биологической судьбы человека, предопределенной половыми различиями (Ю. Бутлер). Понятия «нормы» и «извращенности» относительно секса были объявлены следствиями утверждения узкопрофессиональных юридических и медицинских позиций, а сам пол был объявлен социальной конструкцией, утвержденной социальной практикой. Пол в постмодерне перестает быть фиксированной константой человека. Он может быть переменным, т.е. он может быть сменен в результате желания иной гендерной самореализации [14].

В постмодерне проявился постфеминизм, в котором уже не было общего «женского» интереса, но в котором уже была поставлена под сомнение бинарность человеческой двуполости. Это явилось своего рода продолжением жесткой критики единства человека в биологическом смысле. Подобного рода критика происходит в условиях постмодернистского техномира, в котором киборги как существа постгендерной реальности претендуют на статус существ нового пола.

Возрастные особенности самореализации в постиндустриальном обществе. Применяя собственные критерии к понятию «самоактуализация», родственному понятию «самореализации», А. Маслоу считал, что молодым людям она не свойственна, объясняя это тем, что молодежь «не обретает самоидентификации и автономии, у нее нет достаточного количества времени, ни чтобы обрести опыт прочных, надежных отношений любви, которые сменяют ее романтический период, ни, как правило, чтобы найти свое призвание, тот алтарь, на который человек готов принести все лучшее в себе» [15, с. 28]. Поэтому он считал, что наибольшие шансы к самоактуализации

человек получает лишь в зрелом возрасте, именно тогда он становится человеком в полном смысле слов, т.к. молодые люди еще не до конца уверены в себе, полностью не сформировались, втайне добры и настроены альтруистически, хотя, как правило, стесняются это демонстрировать.

В условиях постмодерна вряд ли данные теоретические обобщения Маслоу могут считаться правомерными, поскольку в условиях утраты критериев самореализации вряд ли можно говорить о психологических типах самоактуализирующихся личностей. В эпоху конца больших нарративов границы между ними стираются, отсутствие четких рационально обоснованных условий и критериев самореализации ставит под сомнение утверждение Маслоу о зрелости как наиболее плодотворном возрасте самореализации. Другое дело, что культура постмодерна является не универсальным, а конкретно-историческим, имеющим собственную динамику и, вопреки утверждениям самих постмодернистов, логику, путь и трудноуловимую. А, следовательно, данная идея Маслоу вне постмодернистского контекста является вполне справедливой.

В заключение следует отметить, что в социокультурной реальности постмодерна происходит ускорение трансформационных процессов, выводящих из равновесия участников мирового сообщества. Постмодерн меняет приоритеты в акцентировании глобальных агентов социализации, давая голос тем, кто на протяжении всей многотысячной истории был подавлен [16, с. 67-73]. Постмодернистская плюрализация стилей жизненной самореализации в конечном счете приводит к формированию не столько контркультурой или субкультурной политики, сколько стратегий сопротивления или освобождения от тотальности господствующих, навязываемых доктрин. Подобные стратегии постмодерна наполняют жизненный путь человека разломами, новыми начинаниями, нестабильностью, неуверенностью, децентричностью, ценностно-смысловой аморфностью. Ценным объявлена лишь спонтанность, свобода, игровое начало, желания человека, его право на инаковость, возможность сосуществования разных жизненных стилей, способов самореализации и разных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несмеянов Е.Е. Матяш Т.П. Модерн и современная модернизация // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 1.

2. *Руденко А.М.* Генезис социовитального пространства культуры пост-модерна // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону. 2012. № 5.
3. *Руденко А.М.* Социовитальная концепция смысложизненной интенциональности экзистенции человека. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012.
4. *Ларионов В.С.* Homo constructus и атакующие стратегии // Традиции и новации в современных философских дискурсах. Материалы круглого стола 8 июня 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium», вып. 14. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
5. *Библер В.С.* От наукочтения к логике культуры: два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1990.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., Кастельс. М.: ГУВШЭ, 2000.
7. *Камалова О.Н.* Исследование эмоций и интуиции в современной философии и науке//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007.№ 6.
8. *Душин О.Э.* Homo currens как modus vivendi в культуре постмодерна // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское филос. общество, 2005.
9. *Тульчинский Г.Л.* Новая антропология: личность в перспективе пост-человечности // Вопросы философии. 2009. № 4.
10. *Лейбин В.М.* Роль информационно-коммуникативных технологий в изменении отношений между воображаемым, символическим и реальным // Вопросы философии. 2011. № 6.
11. *Водянова Н.В.* Самореализация личности в пространстве интернета: философско-антропологический аспект: Дисс... канд. филос. наук. 09.00.13. Челябинск, 2009.
12. *Колосова О.Ю.* Информационная культура личности: проблемы становления//Экономические и гуманитарные исследования регионов.2013.№ 1.
13. *Рябов О.В.* «Человек ли женщина?» Русская антропология XIX – начала XX века в контексте исторических поисков национальной идентичности // Российские женщины и европейская культура: материалы V

конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

14. *Жаров Л.В.* Состояние сексуальности в современной России (субъективные заметки об объективном процессе) Гуманитарные и социальные науки. 2012. №. 2. <http://www.hses-online.ru>
15. *Маслоу А.* Мотивация и личность / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008.
16. *Бакланов И. С.* тенденции социальной динамики и когнитивные процессы: на пути к обществу ультрамодерна // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 4.
17. *Ивушкина Е.Б., Дашкова Е.В.* Проблема коммуникационного познания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 4.
18. *Ворожко Ю.Н.* Значимость философско-антропологического подхода в исследовании проблемы самореализации личности // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. <http://www.hses-online.ru>

REFERENCES

1. *Nesmeyanov E.E., Matyash T.P.* Modernism and modern modernization // Humanities and socio-economic sciences. 2010. No 1.
2. *Rudenko A.M.* Genesis of sociovital space of postmodern culture // Humanities and socio-economic sciences. Rostov-on-Don. 2012. No 5.
3. *Rudenko A.M.* Sociovital concept of sensevital intentionality of human existence. Rostov- on-Don, 2012.
4. *Larionov V.* Homo constructus and attacking strategy // Traditions and innovations in contemporary philosophical discourse. Materials roundtable June 8, 2001 St. Petersburg. Series «Symposium», MY. 14. St. Petersburg. St. Petersburg Philosophical Society, 2001.
5. *Bibler V.S.* From science reading to the logic of culture: two philosophical introductions to the XXI century. M., 1990.
6. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. M., 2000.
7. *Kamalova O.N.* Study of emotion and intuition in modern philosophy and science // Humanities and socio-economic sciences. 2007. No 6.

8. *Dushyn O.E.* Homo currens as a modus vivendi in postmodern culture // Man of post-Soviet space: Conference Proceedings. Issue 3. St. Petersburg. St. Petersburg Philosophy. Society, 2005.
9. *Tulchin G.L.* New anthropology: personality perspective post-mankind // Problems of Philosophy. 2009. No 4.
10. *Leybin V.M.* Role of information and communication technologies in the changing relationships between the imaginary, the symbolic and the real // Problems of Philosophy. 2011. No 6.
11. *Vodianova N.V.* Self-identity in the space of the Internet: the philosophical-anthropological aspect: Diss cand. philos.sciences.09.00.13.Chelyabinsk, 2009.
12. *Kolosov O.* Personal Information Culture: problems of formation // Economic and humanities areas. 2013. No 1.
13. *Ryabov O.V.* "Is a woman a man?" Russian anthropology XIX-early XX century in the context of historical quest for national identity // Russian women and Western culture: the V Conference on the theory and history of the women's movement / Ed. G.A. Tishkin. St. Petersburg. St. Petersburg Philosophical Society, 2001.
14. *Zharov L.V.* State of sexuality in modern Russia (subjective notes on objective process) Humanities and Social Sciences. 2012. №. 2. <http://www.hses-online.ru>
15. *Maslow A.* Motivation and Personality. St. Petersburg, 2008.
16. *Baklanov J.S.* Trends in social dynamics and cognitive processes: Towards an ultramodern society // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2008. No 4 .
17. *Ivushkina E.B., Dashkova E.V.* The problem of communication of knowledge // Economic and humanities areas. 2010. No 4.
18. *Vorozhko Y.N.* The significance of philosophical-anthropological approach to the study of self-identity problems // Humanities and Social Sciences. 2013. No 4. <http://www.hses-online.ru>

Северо-Кавказский научный центр высшей школы.

Южный федеральный университет.

г. Ростов-на-Дону, Россия

16 декабря 2013 г.